

Читаем детям

День Победы

Майский праздник —
День Победы
Отмечает вся страна.
Надевают наши деды
Боевые ордена.
Их с утра зовёт дорога
На торжественный парад.
И задумчиво с порога
Вслед им бабушки глядят. (Белозеров Т.)

Что за праздник?

В небе праздничный салют,
Фейерверки там и тут.
Поздравляет вся страна
Славных ветеранов.
А цветущая весна
Дарит им тюльпаны,
Дарит белую сирень.
Что за славный майский день? (Н. Иванова)

Что такое День Победы

Что такое День Победы?
Это утренний парад:
Едут танки и ракеты,
Марширует строй солдат.
Что такое День Победы?
Это праздничный салют:
Фейерверк взлетает в небо,
Рассыпаясь там и тут.
Что такое День Победы?
Это песни за столом,
Это речи и беседы,
Это дедушкин альбом.
Это фрукты и конфеты,
Это запахи весны...

Что такое День Победы –
Это значит – нет войны.

Познавательный рассказ «Четвероногие помощники на фронте»

Наши четвероногие друзья — собаки и лошади, помогали воинам в сражениях с фашистскими захватчиками.

Собака умна, внимательная, обладает великолепной памятью, тонким чутьем, острым слухом. Её не зря называют верным другом. Она никогда не бросит хозяина в беде, не предаст его!

Собаки — великолепные сторожа, охотники, спасатели, поводыри слепых, помощники пограничников, милиционеров, пожарных.

Как же помогали эти умные животные красноармейцам в боях Великой Отечественной войны?

Зимой собак запрягали в специальные упряжки, и они везли сани, на которых лежали раненые бойцы. На таких собачьих упряжках с полей боев вывезли около двух миллионов раненых! Но это еще не все!

Кинологи (специалисты по дрессировке собак) учили своих питомцев не бояться ни грохота орудий, ни взрывов снарядов и мин, ни бушующего пламени, ни столбов едкого дыма.

На спину специально обученной санитарной собаки прикрепляли сумки с медикаментами, ватой и бинтами. Во время боя санитарные собаки подбирались к раненым бойцам. Те могли перевязать рану себе и своим товарищам.

Многих бойцов спасли от смерти четвероногие санитары!

«Санитарная собака»

Я собака смелая,
Умная, умелая!
Пуль и взрывов не боюсь,
К раненому подберусь.
Сумку я несущу солдату,
В сумке йод, бинты и вата.
Чтобы мог он сделать сам
Перевязку легких ран.
И опять вернуться в бой
На рубеж передовой.

Военные собаки умели делать и многое другое. Они тянули линии связи, искали мины и даже подрывали вражеские танки. Бесстрашные псы бросались под движущийся танк. Мина, укрепленная на спине собаки, цеплялась за днище танка, а собака молниеносно выскакивала из-под него и

мчалась прочь, успевая убежать подальше еще до того, как танк взорвется. Но вот раздавался страшный грохот, пламя охватывало танк, его заволакивало клубами черного дыма. Смелая собака подорвала фашистский танк!

Много труда, времени и терпения требовалось кинологам, чтобы научить собаку подрывать танки. Сначала ее приучали к неподвижному танку. Она обнюхивала его, обходила со всех сторон, оставляя метки. День за днем миску с едой ставили под танк и кормили там собаку. Она привыкала к танку и не боялась его. Затем пса приучали к движущемуся танку. И вот бросалась под танк она следом за более опытной, уже хорошо обученной собакой. Когда собаки выскакивали из-под танка, кинолог угощал их вкусными косточками.

«Храбрая собака»

Идет солдат в атаку.
Бесстрашен он в бою.
Ведет солдат собаку —
Помощницу свою.
Она бросается под танк
И оставляет мину там.
Собака прочь несется,
А танк врага взорвётся!

Ю. Збанацкий «Щедрый ёжик»

Как-то ночью отправились мы с товарищами в разведку. Темень, дорога незнакомая. Ветер всё время шелестел листвой. Нам приходилось часто останавливаться и прислушиваться: боялись, как бы неожиданно не наткнуться на врага.

Но не убереглись. Только вышли из лесу и десяти шагов не сделали по поляне, как вдруг:

— Хальт!

Мы бросились назад, а фашисты нам вслед из пулемётов да из автоматов.

Пули, как мухи, жажужжали возле ушей.

Шагов на сто ушли мы от врага, уже думали, что опасность миновала. И тут-то меня словно палкой ударили по ноге. Я упал. Попробовал было подняться и не смог. Вражеская пуля пробила ногу.

Опершись на плечо товарища, я кое-как проковылял на одной ноге с полкилометра. Идти дальше не было сил. Ещё с километр товарищ пронёс меня на спине. А больше ни я, ни он двигаться были не в состоянии.

Мы заползли в густой кустарник.

— Что ж, — говорю я, — возвращайся в отряд, а я останусь.

— А если фашисты по следу пойдут? — тревожно посмотрел на меня друг.

— Ничего не поделаешь — буду отбиваться, пока хватит патронов...

— А потом?

— А потом? Что ж, потом...

Я не договорил. И так всё было понятно.

Товарищ не хотел оставлять меня одного. Только удостоверившись, что враги больше нас не преследуют, он отправился в партизанский отряд.

Я остался ждать.

Прошёл день. Миновала ночь. Мучила боль в ноге, и пронизывала густая холодная осенняя изморось. А тут ещё стал донимать голод и особенно жажда, Я весь горел и мог бы выпить не ковш, а думается, целое ведро воды, но воды не было ни капли. Изморось только пропитала влагой одежду и землю, на которой я лежал, беспомощно распластавшись, но пить было нечего.

Я знал, что мой друг вернётся с партизанами не раньше, чем дня через четыре. А мне казалось, что сил не хватит прожить ещё и день.

На рассвете неподалёку от меня что-то зашелестело листьями. Я только крепче сжал автомат — подняться не было сил. Прислушался. Хрустнула сухая ветка, ещё явственнее послышался шорох. Я понял — это не человек. Верно, зверюшка какая-нибудь.

И не ошибся. Шагах в двух от меня пробежал круглый, встопорщенный ёж. На иголках у него я заметил какие-то зеленоватые шарики.

Ёж пробрался под густой куст и долго там копошился, хозяйничал. Немного погодя он вышел из-под куста и отправился куда-то по своим делам.

Я догадался, что под кустом у ёжика жильё.

Подтягиваясь на локтях, добрался до куста. Действительно, там была у ежа кладовая.

Первыми попались мне под руку дикие лесные груши.

Пришлось взять с десятков грушек, хоть и не хотелось обижать работягу-ежа.

Поев, я почувствовал себя немного лучше и был очень благодарен ёжику.

Скоро ёжик опять вернулся с добычи. Он был весь разукрашен лесными грушками. С минуту удивлённо глядел на меня из-под насупленных бровей, потом направился к своему тайнику. Выйдя оттуда, опять взглянул на меня маленькими глазками. Ёжик, верно, не заметил пропажи, а может, не рассердился на меня за свои грушки.

Весь день и всю ночь ёжика не было. Я решил, что он больше не вернётся к своей кладовой. Но на рассвете ёжик снова пришёл с тремя яблоками, наколотыми на иголки. Подошёл совсем близко ко мне, фыркнул. Мне показалось, что это он пригласил меня полакомиться яблочками. Я охотно принял подарок щедрого друга.

То же было и на следующий день. Ёжик словно подрядился снабжать меня едой — приносил то яблоки, то груши.

Наконец пришли партизаны. Ёжика в это время не было дома. Меня положили на носилки и понесли. Шли лесом. Забывая о боли, я всё время всматривался в кусты. Очень хотелось ещё раз увидеть щедрого ёжика, который так гостеприимно принимал меня в лесу и спас от голода.

А. Митяев «Мешок овсянки»

В ту осень шли долгие холодные дожди. Земля пропиталась водой, дороги раскисли. На проселках, увязнув по самые оси в грязи, стояли военные грузовики. С подвозом продовольствия стало очень плохо. В солдатской кухне повар каждый день варил только суп из сухарей: в горячую воду сыпал сухарные крошки и заправлял солью.

В такие-то голодные дни солдат Лукашук нашел мешок овсянки. Он не искал ничего, просто привалился плечом к стенке траншеи. Глыба сырого песка обвалилась, и все увидели в ямке край зеленого вещевого мешка.

— Ну и находка! — обрадовались солдаты. — Будет пир горой... Кашу сварим!

Один побежал с ведром за водой, другие стали искать дрова, а третьи уже приготовили ложки.

Но когда удалось раздуть огонь и он уже бился в дно ведра, в траншею спрыгнул незнакомый солдат. Был он худой и рыжий. Брови над голубыми глазами тоже рыжие. Шинель выношенная, короткая. На ногах обмотки и растоптанные башмаки.

— Эй, братва! — крикнул он сиплым, простуженным голосом. — Давай мешок сюда! Не клали — не берите.

Он всех просто огорошил своим появлением, и мешок ему отдали сразу. Да и как было не отдать? По фронтовому закону надо было отдать. Вещевые мешки прятали в траншеях солдаты, когда шли в атаку. Чтобы легче было. Конечно, оставались мешки и без хозяина: или нельзя было вернуться за ними (это если атака удавалась и надо было гнать фашистов), или погибал солдат. Но раз хозяин пришел, разговор короткий — отдать.

Солдаты молча наблюдали, как рыжий уносил на плече драгоценный мешок. Только Лукашук не выдержал, съязвил:

— Вон он какой тощий! Это ему дополнительный паек дали. Пусть лопают. Если не разорвется, может, потолстеет.

Наступили холода. Выпал снег. Земля смерзлась, стала твердой. Подвоз налачился. Повар варил в кухне на колесах щи с мясом, гороховый суп с ветчиной. О рыжем солдате и его овсянке все забыли.

Готовилось большое наступление.

По скрытым лесным дорогам, по оврагам шли длинные вереницы пехотных батальонов. Тягачи по ночам тащили к передовой пушки, двигались танки. Готовился к наступлению и Лукашук с товарищами. Было еще темно, когда пушки открыли стрельбу. Посветлело — в небе загудели самолеты. Они бросали бомбы на фашистские блиндажи, стреляли из пулеметов по вражеским траншеям.

Самолеты улетели. Тогда загромыхали танки. За ними бросились в атаку пехотинцы. Лукашук с товарищами тоже бежал и стрелял из автомата. Он кинул гранату в немецкую траншею, хотел кинуть еще, но не успел: пуля попала ему в грудь. И он упал. Лукашук лежал в снегу и не чувствовал, что снег холодный. Прошло какое-то время, и он перестал слышать грохот боя.

Потом свет перестал видеть — ему казалось, что наступила темная тихая ночь.

Когда Лукашук пришел в сознание, он увидел санитара. Санитар перевязал рану, положил Лукашука в «лодочку» — такие фанерные саночки. Саночки заскользили, заколыхались по снегу. От этого тихого колыхания у Лукашука стала кружиться голова. А он не хотел, чтобы голова кружилась, — он хотел вспомнить, где видел этого санитара, рыжего и худого, в выношенной шинели.

— Держись, браток! Не робей: жить будешь!.. — слышал он слова санитара. Чудилось Лукашуку, что он давно знает этот голос. Но где и когда слышал его раньше, — вспомнить уже не мог.

В сознание Лукашук снова пришел, когда его перекладывали из «лодочки» на носилки, чтобы отнести в большую палатку под соснами, — тут, в лесу, военный доктор вытаскивал у раненых пули и осколки.

Лежа на носилках, Лукашук увидел саночки-лодку, на которых его везли до госпиталя. К саночкам ременными постромками были привязаны три собаки. Они лежали в снегу. На шерсти намерзли сосульки. Морды обросли инеем, глаза у собак были полужакрыты.

К собакам подошел санитар. В руках у него была каска, полная овсяной болтушки. От нее валил пар. Санитар воткнул каску в снег постудить: собакам вредно горячее. Санитар был худой и рыжий. И тут Лукашук вспомнил, где видел его. Это же он тогда спрыгнул в траншею и забрал у них мешок овсянки.

Лукашук одними губами улыбнулся санитару и, кашляя и задыхаясь, проговорил:

— А ты, рыжий, так и не потолстел. Один слопал мешок овсянки, а все худой.

Санитар тоже улыбнулся и, погладив ближнюю собаку, ответил:

— Овсянку-то они съели. Зато довели тебя в срок. А я тебя сразу узнал. Как увидал в снегу, так и узнал... — И добавил убежденно: — Жить будешь! Не робей!